

Г. В. Шелепов

ОБЩНОСТЬ ПРОИСХОЖДЕНИЯ — ПРИЗНАК ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Одним из центральных методологических вопросов современной этнографии стал вопрос о сущности этнической общности. И то обстоятельство, что этот вопрос в общетеоретическом плане недостаточно исследован, несомненно, мешает решению ряда очень важных проблем теории и практики этнических процессов.

Необходимость и возможность создания теории этнической общности обуславливается тем огромным фактическим материалом, который за долгие годы накоплен историческими науками и, в частности, этнографией. Как показывает начало дискуссии, создание такой теории предполагает выделение существенных специфических признаков этнической общности, определяющих основное содержание ее как особой социальной общности.

Очевидно, этот путь в научном отношении окажется гораздо плодотворнее, чем путь расширительного толкования этнической общности, универсализации ее, когда ей и ее типам приписывается поистине «всеобъемлющий характер»¹.

В нашей социологической литературе под «историческими формами общности людей» подразумеваются, как правило, только формы этнической общности².

В многочисленных работах советских ученых, исследующих отдельные типы этнической общности, широко показано значение таких признаков, как общность экономической жизни, территории, языка, некоторых особенностей культуры, быта, психологии. Вместе с тем за последнее время появилось немало статей советских этнографов, в которых достаточно убедительно доказывается, что для некоторых развитых этнических образований, особенно для современных больших наций, указанные признаки теряют свой былой обязательный характер³.

По нашему мнению, среди многих признаков, характеризующих этническую общность, в качестве существенного и специфического выступает общность происхождения. Казалось бы, что именно советские этнографы,

¹ См., например, Н. П. Ананченко, От нации к интернациональной общности людей, «Вопросы истории», 1967, № 3, стр. 87.

² См.: «Марксистско-ленинская философия», М., 1964, стр. 368; А. Спиркин, Курс марксистской философии, М., 1963, стр. 430; «Исторический материализм», М., 1963, стр. 155; Д. И. Чесноков, Исторический материализм, М., 1964, стр. 376 и др.

³ С. А. Токарев, Проблема типов этнической общности, «Вопросы философии», 1964, № 11; В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории», 1967, № 1; его же, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4.

первыми приступившие к разработке теории этнической общности, уже проделавшие очень большую работу по исследованию проблем этногенеза, должны по достоинству оценить такой важный признак этнических образований, как общность происхождения. Но в этнографической литературе мы нередко встречаем весьма скептическое отношение к этому признаку. Так, в очень интересной в целом статье Н. Н. Чебоксаров пишет: «Общность происхождения вряд ли может считаться признаком каждой этнической общности. Как, например, следует понимать общность происхождения современных американцев, мексиканцев, китайцев и многих других народов, сложившихся из различных этнических компонентов?»⁴. Даже С. А. Токарев, первым упомянувший об общности происхождения как о виде социальной связи, характеризующей этническую общность, не считает ее обязательным признаком, так как общность происхождения, по его мнению, «лишь в очень немногих случаях имеет значение как этнический определитель»⁵.

Понятие «общность происхождения» или «единство происхождения» означает происхождение людей, этнических коллективов от общих предков, от определенных этнических единиц. Происхождение любой этнической общности — это очень сложный и очень длительный процесс. Во-первых, любая новая этническая общность возникает на основе других этнических образований; во-вторых, вследствие смешения или изоляции расшатываются старые этнические коллективы и появляются новые; в-третьих, требуется очень длительное время для относительной стабилизации новых этнических общностей. Нетрудно заметить, что в каждом из указанных этапов возникновения и развития любой этнической общности единство происхождения как признак ее не исчезает, а объективно наличествует. Другое дело, что подчас из-за скудости исторических данных очень трудно, а иногда и просто невозможно опознать общность происхождения того или иного этнического образования. Но и в этих случаях считать ее совершенно исчезнувшей и забытой нельзя. Общность происхождения всякий раз удивительно точным образом фиксируется этническим самосознанием людей и, прежде всего, сознанием этнической принадлежности, этнонимом.

Таким образом, мы должны понимать общность происхождения любого этнического образования, в том числе и народов, упомянутых Н. Н. Чебоксаровым, точно так же, как мы понимаем общность происхождения родных братьев, родившихся от лиц различной национальной принадлежности, т. е. возникшими и утвердившимися из определенного сочетания разнородных этнических компонентов.

Что касается общности происхождения американской нации (как и других подобных наций), то необходимо учесть тот факт, что она является относительно молодой нацией, этнически окончательно еще не консолидировавшейся; значительная часть населения США считает себя американцами главным образом по государственно-гражданской принадлежности.

Все этногенетические исследования, проводимые на социологическом, историческом, этнографическом, антропологическом, археологическом, лингвистическом материале, ставят своей первой задачей выяснение единства происхождения народов. Они обнаруживают общность происхождения в разных формах: автохтонное происхождение; смешение с основным этническим ядром других этнических субстратов; консолидация различных неродственных общностей; интеграция родственных этниче-

⁴ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 100.

⁵ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 44.

ских коллективов; дифференциация, полное распадение на части предковой этнической общности; внутреннее сплочение лишь части этнической общности, оказавшейся изолированной от основной массы этой общности. Одним словом, если наличие у этнической общности такого признака, как общность происхождения, отличает ее от любой другой социальной общности, то сами этнические общности отличаются друг от друга наличием особой, отдельной общности происхождения, обуславливаемой неповторимой конкретностью каждого этногенетического процесса.

Общность происхождения устанавливается самым различным образом, от лингвистико-генеалогической классификации народов до исследований по ономастике. Так, одним из методов определения общности происхождения народа является анализ его антропологических особенностей, составляющий предмет этнической антропологии.

Этногенетические исследования свидетельствуют о том, что конечной причиной образования новых и гибели старых этнических общностей, этнической миграции, ассимиляции, изоляции и т. п. являются производственно-экономические отношения. На наш взгляд, из этих исследований правомерно вытекает вывод и о том, что необходимой предпосылкой образования этнических общностей являются межэтнические брачные связи.

Вскрывая происхождение той или иной этнической общности, этнографы, социологи отмечают огромнейшую роль «смешения», «слияния», «перемешивания», «растворения», «скрещивания» различных этнических коллективов. Так, «европейские переселенцы в страны Америки, ее коренные обитатели — индейцы и привезенные из Африки негры, смешавшись в той или иной степени, составили этническую базу формирования большинства новых американских наций»⁶. Термин «смешение», который чаще всего встречается в трудах, посвященных этническим процессам, сам по себе может иметь несколько значений. Но из анализа исторических фактов образования различных этнических общностей следует, что «смешение» этнических общностей есть не что иное как межэтнические брачные отношения людей. Следовательно, появление «новых» этнических общностей — итог брачного перемешивания «старых» этнических единиц. Прежде всего половое, брачное перемешивание способно разнородные этнические формы «переплавить» в единое этническое образование. Этническая ассимиляция осуществляется также посредством межнациональных браков.

Большинство эмигрантов из Европы, получая права гражданства в США и, естественно, включаясь в определенную экономическую, политическую и культурную общность в общегосударственном масштабе и в пределах отдельного штата, не считают себя американцами по этнической принадлежности. Часто только у первого (или даже второго) поколения, появившегося благодаря перемешиванию эмигрантов с другими национальностями США, появляется более или менее устойчивое сознание принадлежности к американской этнической общности. Те же эмигранты, которые входят в относительно замкнутые однородные национальные группы, длительное время сохраняют свое прежнее этническое самосознание.

Исторических фактов, свидетельствующих о невозможности этнической консолидации без межэтнических брачных отношений населения той или иной страны, встречается достаточно много в этнографической литературе.

⁶ «Население земного шара. Справочник по странам», М., 1965, стр. 11.

Известно, что турки появились на Кипре в конце XIV в. (после захвата острова Османской империей) и сейчас живут смешанно с греками. Несмотря на существующую общность территории и экономической жизни, в результате обостренных национальных и религиозных отношений на Кипре брачные отношения между греками и турками — редкий случай. Именно это и явилось ближайшей причиной того, что до сих пор нет единого кипрского народа как этнической общности.

Так как общность происхождения людей неотделима от отношений родства, то последние составляют значительную часть содержания этнических общностей и этнических процессов.

Какова же природа родства? Каковы границы проявления родственных отношений? Как соотносятся родство и этнос? Здесь перед нами открытая, можно считать совершенно еще не затронутая, область исследования. Имеющийся в нашем распоряжении незначительный научный материал позволяет дать ответ на поставленные вопросы лишь в самом общем виде.

В древние времена, у только что сформировавшегося общества экономические отношения оказываются еще настолько слабыми, что не в состоянии самостоятельно цементировать человеческий коллектив. Отношениями, способными выполнить это, и явились, по выражению Ф. Энгельса, родовые связи⁷.

Происхождение рода как коллектива кровных родственников от общих предков доставило, по выражению К. Маркса, «ученым-филистерам» головомомную работу. Считая этих предков чистым мифом, они просто никак не могли объяснить себе возникновение рода.

К. Маркс в следующих словах резюмирует ответ Л. Моргана на вопрос о происхождении родов: «Система кровного родства, соответствующая роду в его первобытной форме, — а у греков, как и у других смертных, была всегда-то такая форма, — обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения. С возникновением моногамной семьи это забылось. Родовое имя создавало родословную, рядом с которой родословная отдельной семьи представлялась лишенной значения. Это родовое имя должно было теперь свидетельствовать о факте общего происхождения его носителей; но родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже доказать действительно существовавшего между ними родства, за исключением немногочисленных случаев, когда имелись более поздние общие предки. Самое имя было доказательством общего происхождения и доказательством бесспорным, не считая случаев усыновления. Напротив, фактическое отрицание всякого родства между членами рода, как это делают Грот и Нибур, превращающие род в продукт чистого вымысла и поэтического творчества, достойно только «идеальных», т. е. чисто кабинетных книжных ученых.

Так как связь поколений, особенно с возникновением моногамии, отодвигается в глубь времен и минувшая действительность представляется в отражении фантастических образов мифологии, то благонамеренные филистеры приходили и продолжают приходить к выводу, что фантастическая родословная создала реальные роды⁸.

Это резюме К. Маркса является для нас основополагающим при решении вопроса о роли общности происхождения и родства в становлении

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 103.

лии и развитии этнических общностей, так как отмеченные им весьма существенные особенности рода как в первобытной, так и в наиболее развитой форме оказываются существенными чертами любого этнического образования. Во-первых, происхождение от общих предков; во-вторых, наличие у этнических процессов, по выражению К. Маркса, «карнальной», «плотской» основы; в-третьих, с развитием человечества родственные связи разрастаются «вглубь» и «вширь» и то, что с расширением родственных отношений определить родословную (генеалогия) весьма сложно или даже невозможно, ни в коей мере не означает исчезновения ни общности происхождения, ни родственных отношений; в-четвертых, этноним является свидетельством общего происхождения его носителей.

Среди советских ученых царит единодушное мнение, что родо-племенная общность, как один из наиболее ранних типов этнической общности, прежде всего характеризуется наличием кровнородственных отношений.

Но не менее единодушным является мнение о том, что следующие за родо-племенной общностью типы этнической общности не имеют никакой связи с развитием родственных отношений. Такое мнение, на первый взгляд, следует из известных положений Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Ф. Энгельс писал: «Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место занимает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,— общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени»⁹.

В своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, так же как и Ф. Энгельс, называет человеческие коллективы, общины, сменившие роды и племена, «чисто территориальными союзами»¹⁰.

Из этих положений Ф. Энгельса и В. И. Ленина следует, что признаком государства является территориальный принцип деления населения и что государственная организация не является результатом простого развития родо-племенных образований. Но это не значит, что с исчезновением родо-племенной общности, основанной на кровнородственных связях, в условиях классового общества и государства новые формы этнической общности не обуславливаются отношениями родства. Разумеется, при этом необходимо отличать родственные отношения вообще от кровнородственных как специфической разновидности первых. Кровнородственные отношения под воздействием в первую очередь экономических факторов подверглись существенным изменениям.

«Территориальные союзы», сменившие родовые объединения, дали толчок становлению новых этнических общностей. Отношения собственности, разрушая родовые связи, сближали между собой как родственные, так и неродственные в этническом отношении человеческие коллективы.

Усиление миграционных процессов послужило непосредственной причиной расширения брачных отношений между племенами, внутри со-

⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 153.

юзом племен. Естественно, что новое брачное перемешивание, которое в новых социальных условиях, в конечном итоге, привело к образованию народностей, не уничтожает, не отменяет отношения родства, а наоборот, утверждает, изменяет, и в определенном смысле, развивает их. С одной стороны, они расширяются и охватывают всю народность, а с другой — концентрируются, ограничиваются пределами семьи или группы родственных семей. Если вторая сторона эволюции родственных отношений не вызывает сомнений и достаточно исследована, то первая тенденция не получила признания и не исследуется.

В. И. Ленин критиковал идеолога народничества Н. Михайловского, считавшего, что национальные связи — это продолжение и обобщение связей родовых.

Создание национальных связей, национальной общности имело своей основой, как пишет В. И. Ленин, ликвидацию феодальной раздробленности, возникновение капиталистических производственных отношений. В средние века московское государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранившие следы былой автономии, особые таможенные границы, иногда свои особые войска и т. д. «Только новый период русской истории (примерно с XVII в.) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое.

Слияние это было вызвано не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок, так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»¹¹.

Из этих ленинских положений необходимо следует, что, во-первых, конечной причиной становления наций являются экономические отношения, а потому, во-вторых, представлять этническую преемственность в качестве самостоятельного фактора — это «ребяческий вздор», «детская побасенка». Но эти мысли В. И. Ленина не дают никаких оснований отрицать вообще значение общности происхождения и родственных отношений в становлении всех известных этнических общностей, в том числе и наций. В противном случае, столь же резкой критики заслужила бы мысль Ф. Энгельса о том, что именно «из племен развились нации»¹².

В. И. Ленин вовсе не задается целью дать картину формирования русской нации. В данном случае он ставит перед собой задачу: в противовес антинаучному, примитивному пониманию национальных связей, национальных чувств, «демона национального самолюбия» и национальной ненависти, как имеющих, по взглядам Н. Михайловского, чисто естественно-биологическое происхождение, показать социально-экономические корни появления наций.

Но, с другой стороны, сказать, что данная нация возникла на базе капиталистических отношений, еще не значит дать объяснение всего процесса ее формирования. Для того чтобы понять, как образовалась, скажем, русская нация, необходимо помимо основного, экономического фактора учитывать другие, также очень важные, факторы.

Только усилением товарного обращения, созданием единого всероссийского рынка можно объяснить, как пишет В. И. Ленин, слияние от-

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 163—154.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 493.

дельных «земель», княжеств в единое государство. Но нельзя полностью объяснить даже в пределах единого государства консолидацию одних народностей, наций и устойчивость, неконсолидацию других. Например, как понять, в силу каких причин татары, удмурты, мари, чуваша, мордва и другие народы, оказавшиеся территориально внутри всероссийского рынка, сохранили, «отстояли» свою этническую принадлежность? Видимо, сила всероссийского рынка была такой, что некоторые этнические группы она смогла «перемолоть» путем полового смешения в единую нацию, а других «одолеть» не смогла: этническое оказалось сильнее экономического.

Одним словом, в качестве механизма образования такой этнической общности, как нация, также выступают межэтнические брачные отношения. Потому общность происхождения, хотя она становится все более опосредствованной, все же является, на наш взгляд, обязательным признаком и этой формы этнического образования.

С развитием этнических общностей от «низших» к «высшим» отношения родства настолько расширяются, расплываются, что неизбежно социальная значимость их в какой-то мере снижается, падает. Это обстоятельство и оказывается гносеологической предпосылкой вывода о том, что национальные отношения никак не зависят от отношений родства и что роль последних ограничивается только пределами семьи.

В силу расширения родственных связей каждая последующая этническая общность по отношению к предыдущей становится менее устойчивой. Неслучайно смешанные браки в «высших» этнических образованиях чаще, чем в «низших». Вопреки мнению многих социологов и этнографов, мы считаем, что нация, по сравнению с предшествующими ей племенами и народностями, является самой неустойчивой этнической общностью, в конце концов постепенно отмирающей.

Уже отмечалось, что подчас различные исторические источники не могут пролить свет на затеряющуюся в веках общность происхождения того или иного народа, но зато она в каждом отдельном случае фиксируется этническим самосознанием. Именно поэтому В. И. Козлов, перечисляя признаки этнической общности, совершенно справедливо поставил этническое самосознание на первое место¹³.

До недавнего времени в советской литературе при характеристике форм этнической общности ни один автор не выдвигал в качестве признака их этническое самосознание. Некоторые социологи и ныне возражают против попыток возвести этническое самосознание в ранг этнического определителя. Так, И. П. Цамерян считает, что «если самосознание этнической принадлежности (или национальное самосознание) есть лишь субъективное отражение в сознании человека самого объективного факта существования национальной общности нации», то нельзя национальное самосознание превращать в один из основных признаков нации¹⁴.

Нет ни одной социальной общности людей, которая бы не характеризовалась осознанием в той или иной форме принадлежности к этой общности. Даже раса становится социальной общностью с появлением расового самосознания. Есть немало других объективно существующих социальных общностей, представляющих собой совокупность отноше-

¹³ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 111.

¹⁴ И. П. Цамерян, Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации, «Вопросы истории», 1967, стр. 111.

ний людей, основанных на том или ином элементе сознания, которые необходимым образом и становятся отличительными признаками этих общностей: это религиозные, научные, культурно-просветительные и другие общности.

Мысль о том, что национальное самосознание является этническим определителем, впервые была высказана П. И. Кушнером (Кнышевым)¹⁵. Упоминание об этническом самосознании как признаке этнической общности вообще мы встречаем несколько позднее у Н. Н. Чебоксарова¹⁶. Ныне к этой точке зрения присоединился ряд участников дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории» — П. М. Рогачев и М. А. Свирдлин, М. С. Джунусов, С. Т. Калтахчян, Н. А. Тавакелян, А. Г. Агаев и др.

Этническое самосознание — отражение этнического бытия, значительную часть содержания которого составляют отношения людей, основанные на общности их происхождения.

Этническое самосознание предполагает выделение и отличие этнической общностью самой себя от всех других этнических общностей.

По нашему мнению, в структуру этнического самосознания входят сознание людьми своей этнической принадлежности, этноцентризм, этнический стереотип, этнические антипатии (этногонизм) и этнические симпатии. Эти элементы этнического самосознания универсальным образом взаимосвязаны между собой, обуславливая друг друга, проникая друг в друга и т. д. Однако главным структурным элементом этнического самосознания является сознание людьми своей этнической принадлежности. Именно оно в первую очередь отражает общность происхождения людей.

Нет иного пути определения этнической принадлежности, кроме получения ответа на вопрос: «К какой национальности себя относите?». Мы уверены, что этнографическая наука не знает случая, когда вопреки этническому самосознанию, по наличию других объективных признаков, скажем, общности экономической жизни, языка, территории, культуры и т. п., было определено этническое лицо конкретной общности. Без наличия сознания этнической принадлежности определенной группы людей не может быть и речи о реально существующей этнической общности. Например, советские этнографы считают, что такие крупные общности Северной Индии как хиндустанцы, бихарцы, раджастханцы, лишь условно могут считаться едиными народами, прежде всего, потому, что они не имеют общего крепкого, устойчивого этнического самосознания, так как у этнических групп, составляющих эти народы, еще не изжито свое сознание этнической принадлежности¹⁷.

Как правило, сознание людьми своей этнической принадлежности утверждается посредством осознания ими этнической принадлежности своих родителей. Дети, имеющие родителей, относящихся к различным национальностям, определяют свою этническую принадлежность по этнической принадлежности одного из родителей уже в зависимости от внешних, т. е. не этнических обстоятельств: социально-политических, правовых, семейных, нравственно-эстетических и т. д. У людей, родившихся от межэтнических браков, обнаруживается неустойчивое, расшатанное этническое самосознание. Если этническая принадлежность человеком

¹⁵ П. И. Кушнер (Кнышев), Национальное самосознание как этнический определитель, «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая» VIII, 1949, стр. 3.

¹⁶ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов, М., 1964, стр. 5.

¹⁷ «Население Земного шара. Справочник по странам», М., 1965, стр. 127.

выбрана исключительно по каким-либо внешним обстоятельствам (например, стремление избежать национального гонения) и не отвечает этнической принадлежности родителей, то она имеет для него сугубо-формальный характер, тогда как фактически он причисляет себя к общности, соответствующей этнической принадлежности родителей.

Сознание этнической принадлежности людей конкретно проявляется также в употреблении ими единого названия народа — этнонима¹⁸.

Высказывалось мнение, что общность происхождения является не самостоятельным элементом этнической общности, а лишь одним из факторов, формирующих этническое самосознание¹⁹. Даже считая такое предположение заслуживающим внимания, необходимо признать, что общность происхождения (прямо или опосредствованно, через этническое самосознание) выступает формообразующим фактором этнической общности.

Основываясь на том, что общность происхождения во всех своих проявлениях, и в том числе в этническом самосознании, является очень важным и обязательным признаком любого этнического образования, и учитывая значение тех признаков этнических общностей, которые в нашей литературе уже длительное время исследовались, мы хотели бы предложить для обсуждения следующее определение этнической общности.

Этническая общность — это возникающая вследствие определенных исторических и экономических предпосылок специфическая социальная общность, основным содержанием которой являются отношения людей, складывающиеся на основе общности их происхождения и проявляющиеся в этническом самосознании, а также в общности языка, территории и некоторых черт культуры и быта.

На наш взгляд, данное определение этнической общности дает возможность более или менее четко отграничивать этническую общность от других социальных общностей.

Научный, диалектико-материалистический подход к изучению общности происхождения и этнического самосознания как важных признаков этнической общности диктуется еще и необходимостью критики этнических концепций, в которых указанные признаки абсолютизируются в качестве естественно-биологических факторов. Буржуазные идеологи прекрасно понимают значение общности происхождения, родства и этнического самосознания как реальных сил, помогающих им сохранить, укрепить целостность капиталистического общества, раздираемого внутренними социальными противоречиями. Они знают, что народные массы легче всего оказываются одураченными идеями «зова крови», «своего отечества», «национального духа», «единого происхождения» и т. д. и т. п.

С этими силами, пока они существуют и оказывают большое влияние на развитие общества, не можем не считаться и мы, марксисты. Выяснить действительную сущность, современное социальное значение и историческую обусловленность общности происхождения и отношений родства — такова задача.

Бесспорно, что статья не решает этой задачи. Она представляет лишь попытку привлечь внимание к чрезвычайно важным и явно недостаточно исследованным вопросам.

¹⁸ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 109.

¹⁹ Там же.

SUMMARY

In the course of the discussion about the concept of ethnic community the author emphasizes common origin as one of its basic features. By common origin he understands origin from a population within which mixed marriages between its various ethnic components are widespread. No merely territorial mixing, without mixed marriages, can lead to ethnic consolidation. Gens and tribe communities were chiefly based on blood relationship. In class society kinship (though in a modified form) continues to play an important role in ethnic community. This does not negate the fundamental role of economic relations in forming modern nations. To a certain extent the social importance of kinship becomes weakened in ethnic communities of a higher stage of development as compared with the lower. This leads to a weakening of the stability of each next evolutionary form of ethnic community. Despite common opinion among sociologists and ethnographers the author holds that the modern nation is the least stable of ethnic communities and is fated ultimately to die gradually off.
